

6-го сентября 1883 г. № 35.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

6-го сентября 1893 г. № 35.

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка принимается: въ **Ташкентѣ**,
въ Конторѣ Редакціи «Туркестанскихъ Вѣдомостей».

Плата за объявленія обыкновенными шрифтами:
1/2 к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — 1/4
3 к. с. за букву.

Цена за годовое изданіе 7 р. с., съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ
Ташкентѣ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Цена за Азіатскую газету, издаваемую на Саут-
скомъ картонѣ еженедѣльно 3 р. с.; съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и доставкою на домъ въ **Таш-
кентѣ**.

Г. г. подписчиковъ на Азіатскую газету проситъ
обращаться съ своими требованіями и заявленіями
въ редакцію Азіатской газеты,
въ **Ташкентѣ**, къ Директору Туркестанской Учитель-
ской Семинаріи, **Н. П. Остроумову**.

Отдѣльные №№ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» продаются въ редакціи: новые по 15 к., старые по 10 к.; новый № считается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ слѣдующій.

60 и 61, мѣрою въ $3\frac{1}{2}$ кв. сажень съ находящимися на нихъ постройками и насаждениями, по западной крѣпости на тѣ участки, выданные имъ, Пукаловымъ, товарищу Банкирскаго дома С. К. Глинка-Янчевскій и Ю. Станиславу Казимировичу Глинка-Янчевскому въ суммѣ пяти тысячъ руб. сер. срокомъ по 15-е августа 1883 года.

(506) 3—1

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

По поводу книги А. Ф. Миддендорфа:

«Очерки Ферганской долины».

Въ прошломъ, 1882 году вышла въ свѣтъ на русскомъ языкѣ книга академика Миддендорфа: «Очерки Ферганской долины». Долго и совершенно напрасно ждать я, чтобы кто либо изъ людей компетентныхъ, знакомыхъ со страной, казалъ бы на себя трудъ произвесть оцѣнку такой безусловно извѣстной книги, какъ «Очерки». Отзывъ объ этомъ сочиненіи печатался, правда, въ прошломъ году въ Журналѣ Сельскаго хозяйства и лѣсоводства; но то были отзывы людей, совершенно незнакомыхъ съ Ферганою, а потому и писаны эти ровно никакого значенія не имѣли. Выстъ съ тѣмъ обити появленіе «Очерковъ» замѣчательнѣе—положительно невообразимо. Написанъ ихъ обыкновенный туристъ—въ такомъ молчаливѣмъ и удивительномъ, конечно, не было-бы, ибо тогда каждый читавшій относился-бы къ сочиненію съ болѣе или менѣе осторожностью. Здѣсь совсѣмъ иное: во-первыхъ, «Очерки» выпилъ изъ пера почетнаго члена Академіи Наукъ, а во-вторыхъ, предполагаемое самимъ авторомъ значеніе его труда далеко не малое: по его собственнымъ словамъ, это — «руководствіе рачки для чиновниковъ мѣстнаго управленія, которыхъ судьба заброситъ въ эту страну, въ особенности-же для будущихъ надзѣльныхъ чиновниковъ» (предисловіе стр. V).

Авторъ, лице авторитетное, очень много писавшее о Сибири, съотрицать на свой трудъ, какъ на «слово объ естественныхъ условіяхъ Ферганы по отношенію къ ея сельско-хозяйственной обстановкѣ» (предисловіе стр. IV), Мухомено-ли постѣ не его, что «Очерки Ферганской долины» весьма легко могутъ явиться въ роснѣ той почвы, на которой окончательно установятся отношенія къ Ферганѣ, какъ-бы наприхвѣръ такихъ учрежденій, какъ государственный фискаль и т. п.

Въ виду того, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ могутъ получиться результаты характера самаго неожиданнаго, я беру на себя смѣлость печатно высказать личное мое мнѣніе о книгѣ Г. А. Ф. Миддендорфа. Задача очень трудная, тѣмъ болѣе, что является описаніе о томъ, не берусь-ли я за дѣло, которое мнѣ, какъ говорится, не по чину. Очень трудная, очень щекотливая задача, но тѣмъ не менѣе я желалъ-бы выполнить ее хотя бы по моему интересу той страны, о которой идетъ рѣчь.

Наиболѣе интересныя и важныя главы болѣе обширныя «Очерковъ» (около 600 стр.) представляютъ, разумеется, тѣ главы, въ которыхъ говорится о земледѣіи, такъ какъ, по словамъ самаго-же автора, на его «долю выпало сказать свое слово о естественныхъ условіяхъ Ферганы по отношенію къ ея сельско-хозяйственной обстановкѣ».

Выстъ съ тѣмъ книга слишкомъ велика для того, чтобы, не выходя изъ рамокъ газетной статьи, можно было-бы разбирать ее всю, цѣлкомъ; вотъ причины, почему я ограничусь лишь въ нѣкоторыхъ главахъ и буду цитировать изъ нихъ только тѣ мѣста, разборъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ въ формѣ болѣе скажетъ.

Въ главѣ «Оро-географическій обзоръ» авторъ говоритъ объ основныхъ, такъ сказать, свойствахъ преобладающей въ Ферганѣ почвы—леса, сравнивая послѣднюю съ черноземомъ, старается доказать, что лесъ плодороднѣе и устойчивѣе чернозема и наконецъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, провозглашаетъ: «обыкновенно приближенно-го хлѣбопашества» Ферганы.

О черноземѣ авторъ говоритъ такъ: «какъ источникъ въ сельскохозяйствѣ, какъ источникъ Европы, черноземъ Европейской Россіи всеобщіе извѣстны, даже похъ его оригинальнѣе названіемъ, столь парадоксальнаго для западно-европейскаго уха и языка. И на западѣ, и на востокѣ были произведены въ лучшихъ химическихъ лабораторіяхъ многочисленные анализы его; однако все еще не удалось съ полною несомнѣнностью раскрыть секретъ его чрезвычайнаго плодородія» (стр. 3). Далѣе, говоря о физическихъ и химическихъ свойствахъ чернозема и указывая на недостатки въ немъ какъ и въ формѣ почвы, а перѣдъ также и вѣсти, авторъ не отрицаетъ однако-же и того, что, благодаря суммѣ всѣхъ вообще положительныхъ свойствъ этой почвы, «растительности

нужно проложить лишь самый слабый рѣзъ, который она имѣетъ въ выдѣляемой ей углекислотѣ, а также углекислымъ аммиакомъ, чтобы вызвать роскошнѣйшій ростъ» (стр. 5).

Очевидно, что авторъ не имѣетъ ровно ничего противъ плодородія чернозема; да еще онъ говоритъ только, что какъ ни богаты природныя силы этой почвы, она, во-первыхъ, истощается, или, по крайней мѣрѣ, способна истощаться, а во-вторыхъ, представляетъ то неудобство, что не выноситъ «унавожненія» столь-же хорошо, какъ наши (сѣверо-русскія) почвы» (стр. 5—6). Такимъ образомъ, хотя чрезвычайное плодородіе чернозема и не отрицается, по ему тѣмъ не менѣе дѣлается нѣкоторый упрекъ за слабое средство состоятельности чистей (стр. 4), за способность истощаться и за неспособность или хотя-бы за малую способность къ воспріятію унавоженія.

Приступая къ описанію Ферганы, страны леса, авторъ называетъ свои «Очерки» разборомъ свойствъ чернозема, котораго по его же собственнымъ словамъ «нѣтъ въ области арало-каспійской плавни» (стр. 101).

«Но зачѣмъ мнѣ понадобилось это вступленіе?» восклицаетъ авторъ.

Мнѣ оно нужно было, говоритъ онъ, для доказательства того, что именно черноземъ не заслуживаетъ своей громкой извѣстности» (стр. 7).

«Пусть, говоритъ авторъ, дѣйствительный черноземъ представляетъ собою необычайно плодородную почву... но я все таки не могу произносить его на столько, на сколько это общепринято» (стр. 9). Это «не могу произносить» является результатомъ того, что, по мнѣнію Г. Миддендорфа, въ отношеніи плодородія оба эти рода почвъ (черноземъ и лесъ) представляютъ равномѣрными соперниками хотя по своему вѣдному виду, равно какъ и по другимъ свойствамъ, онъ столько же различается между собою, какъ день и ночь» (стр. 4).

Далѣе, на стр. 10, авторъ не довольствуется уже названіемъ равномѣрности соперника и говоритъ о «желтоземѣ» (лесѣ), какъ о «счастливомъ» соперникѣ чернозема, а еще далѣе (на стр. 141), говоря о «мелкоплодномъ» (?) плодородіи среднеазиатской лесной почвы, авторъ утверждаетъ, что земледѣіе ведется здѣсь, на одномъ и томъ-же мѣстѣ неизмѣнно, въ продолженіи четырехъ тысячелѣтій, до настоящаго времени, что подтверждается историческими свидѣтельствами» (?).

Однако-же очевидно замѣтить, что онъ хитрилъ несомнѣнно черезъ край, авторъ дѣлаетъ маленькую оговорку: «если мы говоримъ о неистощимости (въ теченіи 4000 л.), то это надлежитъ понимать лишь въ условномъ смыслѣ».

Еще бы. Я думаю даже и въ очень условномъ!

Проведя такую параллель между черноземомъ и лесомъ, заявилъ о превосходствѣ леса передъ прославленнымъ и чрезвычайно плодороднымъ черноземомъ, убивая читателя, что если плодородіе чернозема чрезвычайно, то плодородіе леса слѣдуетъ назвать «обыкновеннымъ и нечрезвычайнымъ», авторъ предполагаетъ, что онъ «установилъ надлежащую точку отсчета для «Очерковъ» (стр. 11) и обращается къ восторженному восклицанію «щедра-благословеннаго уголка прекрасной Бомбей земли».

Къ восклицанію мы обратились впоследствии, а теперь остановимся пока на томъ, что представляется воображенію автора «надлежащей точкой отсчета».

Дабы не утомлять читателя, разберемъ лишь два главнѣйшихъ пункта:

1) Правнѣе авторъ, называя лесъ «счастливымъ» соперникомъ чернозема?—Врядъ-ли, особенно, если мы будемъ сравнивать дѣйствительный черноземъ съ дѣйствительнымъ-же лесомъ. Самъ авторъ говоритъ, что по своимъ природнымъ свойствамъ черноземъ «равнозначущъ со степью нашимъ» (стр. 5), а дѣйствительный лесъ, если только онъ не содержитъ въ себѣ перелоя или густыя, никогда этия свойства не отличаетъ. Г. Миддендорфъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что даже и при такихъ условіяхъ, какъ чистота почвъ отъ чужероднаго содержанія въ ней крупнозернистаго песку и силикатовъ, а также и солей, обиліе ормуна и пр., дѣйствительный лесъ, будучи гумусомъ, прежде чѣмъ проявитъ необыкновенно и нечрезвычайное плодородіе въ отношеніи всѣхъ вообще мѣстныхъ культурныхъ растений, долженъ культуривироваться обработкой и удобреньемъ.

На стр. 136-й читаемъ: въ болѣе счастливыхъ случаяхъ люцерновыя плантаціи первыми отказываются произрости въ солончаковомъ пустынѣ... Если-бы авторъ сказалъ не «въ солончаковомъ пустынѣ», а повсюду, гдѣ сарты вѣдутъ разработку бѣдныхъ гумусовъ лесъ, было-бы лучше, ибо это было-бы ближе къ истинѣ. Авторъ самъ упоминаетъ объ люцернѣ, какъ о посѣвѣ, удобряющей почву своими корнями, а я скажу, что болѣе хорошихъ гумусовыхъ хозяйствъ старается при первой возможности улучшить естественныя свойства лесовой почвы первыми посѣвами на ней люцерны, корни которой вносятъ въ почву недостающія ей продукты разложенія органи-

ческихъ веществъ. Очевидно автору неизвѣстно также, что во-первыхъ, сарты всегда (по опыту) отдаютъ полное предпочтеніе *кара-турку* (перелояной почвѣ) предъ *закюмъ* (желтоземомъ), а во-вторыхъ, при производствѣ искусственнаго орошенія хорошо воздѣланныхъ и продолжительно унавоженныхъ земель, тотъ-же сартъ употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы устранить разминаніе и сносъ водой самаго верхняго слоя почвъ, въ которыхъ скопляется наибольшее количество органическихъ веществъ (слѣдуетъ имѣть въ виду, что сартовскій плугъ отвала почти не имѣетъ).

2) Еще менѣе правъ авторъ, говоря, что «на лесовой почвѣ Средней Азіи земледѣіе ведется на одномъ и томъ-же мѣстѣ (?) неизмѣнно, въ продолженіи четырехъ тысячелѣтій, до настоящаго времени, что подтверждается историческими свидѣтельствами».

Авторъ, очевидно забываетъ, что онъ говоритъ собственно о Ферганѣ, въ которой наприхвѣръ, по свидѣтельству султана Бабура, 400 лѣтъ тому назадъ, изъ значительныхъ поселеній существовали лишь: Казибаба, Ифара, Вурхъ, Маргалавъ, Ошъ, Анджама, Узгенъ, Акмъ и Касанъ. Авторъ, вѣроятно, неслѣдуетъ, что болѣе Ковандскій оазисъ считать за собой не болѣе 150—200 лѣтъ, существованія, всѣ почти земли, лежащія между Янгъ-арыкомъ и Дарей (въ Наманганскомъ уѣздѣ) воздѣлывались лишь въ теченіи послѣднихъ 80 лѣтъ, а великое множество малыхъ кишлаковъ принадлежатъ къ числу самыхъ новѣйшихъ поселеній. Авторъ несомнѣнно упустилъ изъ виду и то обстоятельство, что болѣе часть пунктовъ на болѣе древней орошенности обратилась въ пустошь населенные города и селенія, гдѣ интенсивность хозяйства доведена до значительной степени, гдѣ практикуется минеральное удобренье и гдѣ, по словамъ самаго-же Г. Миддендорфа, на десятину вывозится отъ 2½ до 3 тысячъ пудовъ навоза. Если-бы авторъ имѣлъ все это въ виду, онъ, по всей вѣроятности, во-первыхъ, не сталъ-бы распространяться ни о 4000 лѣтъ, но о неслѣдствіи лесового плодородія, а во-вторыхъ, не имѣлъ бы причинъ удивляться тому, какое удивительное изобиліе всевозможныхъ растеній и богатыхъ питательными веществами пищевыхъ средствъ (!) способенъ произвестъ тотъ лесъ, на который Г. Миддендорфъ находитъ возможнымъ смотреть, какъ на почву, превосходящую своихъ плодороднѣе даже особые извѣстныя, несомнѣнно, чрезвычайное плодородіе черноземъ.

Но этотъ вѣзлъ автора переходитъ въ еще болѣе специфическія формы такъ, гдѣ онъ (авторъ) устремляется по стѣзъ прославленнаго богатства и благополучія «щедра-благословеннаго уголка прекрасной Бомбей земли» (стр. 11); Г. Миддендорфъ говоритъ такъ: «все, что можно представить себѣ благопріятнаго, дѣйствительно очень доходнаго полевоводства, дѣйствительно совместно встрѣчается въ Ферганѣ; на этомъ-то и основывается древняя слава Ферганы»... (стр. 12). Всяма это странно сказано, странно тѣмъ болѣе, что все это говорится а-priori, совершенно бездоказательно. Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду очень многое изъ того, что не только благопріятствуетъ земледѣію въ Ферганѣ, но даже, на оборотъ, дѣлаетъ его подчасъ и совсѣмъ таки нападкомъ. Авторъ забылъ о частяхъ здѣсь пыльных тумановъ—бузъ, однако-же вредныхъ, какъ для земледѣлія, такъ и для скотоводства, о *карма-силъ*, горячемъ вѣтрѣ, губящемъ нерѣдко громажныя количества рисовыхъ посѣвовъ, о наводненіяхъ—силъ, сметающихъ не только посѣвы, но даже и строения; онъ упустилъ изъ виду, а можетъ быть и не замѣтилъ, постепеннаго углубленія арчичныхъ руселъ, являющагося прозвѣстіемъ мѣстныхъ арчичныхъ системъ; онъ не хотѣлъ думать о недостаткѣ въ водѣ, на который жалуются и отъ котораго страдаетъ чуть не половина Ферганы, и т. д.

Если-бы авторъ обратилъ на все это должное вниманіе, если-бы онъ подумалъ о томъ, что перечисленные явленія, будучи близкими послѣдствіемъ естественныхъ особенностей и свойствъ Ферганской долины, наравнѣ съ прочими входятъ въ общую сумму того, что авторъ называетъ «сельско-хозяйственной обстановкой», онъ не сталъ-бы говорить, что въ Ферганѣ *есть благопріятность очень доходнаго полевоводства* или по крайней мѣрѣ, если-бы и сказалъ что либо подобное, то съ очень большими оговорками во-первыхъ, а во-вторыхъ—лишь послѣ приведенія тѣхъ извѣстныхъ у него данныхъ, которыя касаются производятельности описываемой страны.

Далѣе, (стр. 12), очевидно желая возмозно арче очертить современную прелесть «щедра-благословеннаго уголка», авторъ почему то находитъ нужнымъ цитировать арабскаго географа Могадесса, жившаго много столѣтій тому назадъ (!) и описывающаго древній Согдъ.

Еще далѣе (стр. 12) и все съ тою-же цѣлью, авторъ советуетъ читателю послушать султана Бабура, для чего цитируетъ изъ него нижеслѣдующія мѣста: «Фаранъ здѣсь до того жиренъ, что, по пословицѣ, одинъ фазанъ могутъ ѣсть четыре человека... жители Анджама славились своей красотой...

близь Оша воздух восхитителен, проточная вода в изобилии; весна очаровательна. Прелести Оша превозносятся уже в священных преданиях... по обильным сторонам реки лежат обильно орошенные сады, в которых весной цветут прекраснейшие фиалки, великолепнейшие розы и наикрасивейшие тюльпаны".

Дальнейшие комментарии по поводу этих цитат считая совершенно лишними; прошу только читателей иметь в виду, что все приведенное говорится по поводу "сельскохозяйственной обстановки".

"Неужели все это опять одно восточное красноречие?" восклицает автор и опять, желая окончательно убедить читателя в том, что Фергана есть нечто иное, как земной рай, советует послушать "европейского филолога Радлова, который недавно посетил Зеравшанскую долину" (!) Прежде всего странно, конечно, что автор, желая знакомить читателя с Ферганой, преподносит ему описание *земного рая*, обретенного филологом Радловым не в Фергане, а в Зеравшанской долине. Положим, что между Ферганой и Зеравшанской долиной, есть, конечно, много сходного, но тем не менее прием, употребленный г. Миддендорфом является собою нечто совершенно несообразное. Затем не менее удивительно и то, что во свидетельстве сходства Ферганы с земным раем автор цитирует не кого либо из исследователей туземного быта и народного хозяйства, долго работавших на месте, а филолога, не более, как посетившего Зеравшанскую долину (добро-бы еще Фергану).

Но это предпочтение филолога Радлова, лишь посетившего долину Зеравшана, перед солидными исследователями туземного быта и природы понятно; г. Радлов оказывается исследователем, столь же восторженным, сколько и сам г. Миддендорф:

"Вся Зеравшанская долина, на сколько она покрыта каналами, представляет непрерывный ряд поселений... Тут поле прилегает к полю, сад граничит с садом, без всякого перерыва... Когда спускаешься на лошади с голой возвышенности в долину, то кажется, будто переносишься из пустыни в рай. Превосходные *лула* (!), засыпанные туземной травой *бэдэ* (?), блещут восхитительною весеннею зеленью" ... и т. д.

Очень жаль, что автор данного описания ничего не упоминает о разбрыхт этих *лула*, которые лишь в редких случаях доходят до величины одной десятины. Наиболее же удивительным представляется то, как хватается у г. Миддендорфа рвимости цитировать на страницах научного труда такие беллетристические отрывки, хотя-бы и полные поэзии, в которых клочки туземных люцерновых полей фигурируют под именем, "превосходных лугов, засыпанных травой *бэдэ*!" Очень это удивительно!

"Вся поля разбиты на правильные четырехугольники. Между ними шумно текут пнящиеся ручьи, берега которых большею частью сопровождаются (?) густыми рядами деревьев". Автору очевидно неизвестно, что излишняя величина падения арка, а следовательно и излишняя скорость его течения крайне невыгодны в ирригационном отношении, а потому и восхищаться *пнящимися ручьями* в сущности нить равно никаких причин. Это во-первых; а во-вторых, восхищение этими ручьями было-бы еще меньше, если-бы автор имел в виду, что благодаря недостатку в ирригационной воде этих ручьев, не только драки, но даже и убийства между туземцами из-за воды почти повсеместно в Средней Азии далеко не редкость.

"Между этих полей расположены сады, а над низкими *лини-тими* стбнами их возмываются густым лесом деревья"....

Жаль, что автор не упоминает о внутреннем расположении этих садов, при котором деревья разсаживаются обыкновенно без всякой симметрии и порядка, главным образом вдоль оград, а внутренности так называемых садов занимается виноградником и огородами. Если-бы автор заявил об этом, сходство с раем значительно уменьшилось-бы.

В поэтическом описании г. Радлова, которое с такой охотой цитирует г. Миддендорф, мы встречаем: и рай, и превосходные *лула*, и зеленую траву *бэдэ*, и роскошные поля табака, кукурузы, арбузов и дынь, и сады, и пнящиеся ручьи, и фруктовые деревья, и рисовые поля, и роскошь и великолепие, и опять таки рай, но не встречаем... Как вы думаете, чего?... Пшеницы, джугары и проса. Автору, должно быть, неизвестно, что туземная бедность, а следовательно большинство, питается именно этими сортами хлеба. Не правда-ли, как хорошо, как полно и картину выходит в конце концов это описание? Зато сколько поэзии, сколько восторга!

"Не даром зовут эту местность *земным раем*!" восклицает г. Радлов.

Поэт! Он не хочет знать того, что в этом *земном рае* калечат друг друга из-за воды *пнящиеся* ручьи, что из этих-же ручьев, то только уже не пня-

щихся, получают ршту (*), что большинство обитателей этого рай для в день питается жидкой кашней из джугары, а вместо пшеничного хлеба есть *зпару* (лепешки из джугары или кукурузы).

Однако-же, да не подумает читатель что я осуждаю за что либо г. Радлова. Нить, г. Радлов излагает лишь свои субъективные впечатления, а потому поэтизировать ему, если хотите, вполне позволительно, тем более, что с точки зрения литературной отдачи, приведенное описание не оставляет желать ничего лучшего, как произведение чисто беллетристического характера. Нас удивляет не г. Радлов, в поступках которого, как путешественника филолога, ровно ничего удивительного нить; мы изумляемся г. Миддендорфу, который, для доказательства своих положений о *земном рае*, вместо сколько нибудь солидных данных (конечно, цифровых), приводит какие-то поэтические описания, быть может очень много говорящих сентиментальным сердцам, но во тоже время ровно ничего не дающих для разсудка.

Ознакомив читателя "Очерком" с теми впечатлениями, которыми г. Радлов вынес из путешествия по долине Зеравшана, г. Миддендорф ршается окончательно разбить всякие сомнения в тождестве Ферганы с земным раем и говорит так: "если, не смотря на все эти, приведенные выше свидетельства (?), кто либо усомнится в их истинности... тому, в видах убеждения, я приведу наипрозрачнейшие в свете свидетельства, говорящие в пользу плодородия Ферганы.. Напр., в первой половине VII века по Р. Хр. **), китайский путешественник Хсун-Цанг, на своем пути в Индию, проехал и по части (!) Ферганы. Он тоже расхваливал плодородие этой долины в сухих, однако многозначущих словах: "земля необыкновенно плодородна и дает урожай *сам-сто*."

Во-первых слова, цитируемые г. Миддендорфом, не только не многозначущи, но даже и совсечь так ничего неизвестно, ибо китаец выразился крайне неопредѣлительно. Что такое, урожай *сам-сто*? Если дѣло идет о пшенице, то такой урожай близок к баснословному и тогда надо думать, что китаец врет; если же дѣло идет о джугаре, при посеве которой сѣмян уходит на десятину лишь от 18 до 30 фунтов, то такой урожай ровно ничего особенного не представляет; даже мал. Это во-первых; во-вторых, опять таки в высшей степени странно, что при описании современной производительности Ферганы, автор пользуется не трудами новейших исследователей, а путевыми записками какого-то китадца, проѣхавшего *лишь по части Ферганы* в VII веке по Р. Хр., а в третьих, забывши автору "Очерком", что ниже, в главѣ "Организацiонная комиссия" (стр. 432) он сам же отрицает свидетельство цитируемого им китадца, приводя тѣ данны о средней урожайности, которая он почерпнул из массы имѣющихся здѣсь, в Ферганѣ, официальных свѣдѣній.

О пшеницѣ автор говорит так: "средний урожай *я определяю* не ниже 600 пуд. с десятины (т. е. около *сам-тринацать*), хотя, слѣдуя актамъ комиссiи, мы слѣдовало бы довольствоваться 65 пуд. При средней цѣнѣ пуда пшеницы въ 60 коп., валовой доходъ составляетъ 39 р. с десятины." (стр. 432).

При чемъ же тут китаецъ, говорящiй объ урожаѣ *сам-сто*?

"Затѣмъ, говоритъ г. Миддендорфъ, переходимъ къ неблагоприятному хлебу-джугарѣ, приобращающему все большее и большее (?) распространѣние. Средний урожай ея опредѣляется въ 138 пудовъ с десятины. При средней цѣнѣ въ 30 коп. за пудъ, валовой доходъ, слѣдовательно, равенъ 41 руб. 50 к. с десятины," и т. д.

Вотъ, съ чего слѣдовало-бы начать автору "Очеркомъ", если-бы онъ хотѣлъ описывать Фергану, а не улекаться, не впадать въ излишній экстазъ и не поэтизировать; приличнѣе всего было-бы начать именно съ этихъ данныхъ, а никакъ не съ тѣхъ же свѣдѣтельствъ, которыми являются въ данномъ случаѣ описанiя китаецѣвъ и восторженно поэтические образы, игриво набросанные человѣкомъ, лишь посетившимъ долину Зеравшана и отнюдь не изучившимъ ни матеріальнаго быта туземнаго населенiя, ни природы Ферганы.

Не менѣе удивителенъ финалъ "Оро географическаго обзора". Приведа нѣсколько же-свидѣтельствъ, г. Миддендорфъ говоритъ: "довольно (?), теперь мы приступаемъ къ обзоръ каждаго изъ вышеперечисленныхъ условiй *исобыкновенно прибыльно* (!) хлебопашества".

Не находите-ли вы, читатель, что это сказано слишкомъ уже энергично?

(*) Ршту получаютъ изъ воды врудонъ, и то въ немогущихъ мѣстахъ Средней Азии, гдѣ вѣдомъ бытаетъ недостатокъ въ водѣ; таковы: Джикаръ, Бухара, Карши.

(**) Будійскiй миссионеръ Сунъ-Цангъ путешествовалъ по Средней Азии въ 630 г. по Р. Х.

13-го сентября 1883 г. № 36. ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. 13-го сентября 1883 г. № 36

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ,
въ Конторѣ Редакціи «Туркестанскихъ Вѣдомостей».

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ—
1/2 к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины—1/4
к. с. за букву.

Цена за годовое изданіе 7 р. с., съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ
Ташкентѣ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Цена за Азіатскую газету, издаваемую на Сарт-
скомъ нарѣчій еженедѣльно 3 р. с.; съ пересылкою
во всѣ города имперіи и доставкою на домъ въ Таш-
кентѣ.

Г. г. подписчиковъ на Азіатскую газету просить
обращаться съ своими требованіями и заявленіями
въ редакцію Азіатской газеты,
въ Ташкентѣ, къ Директору Туркестанской Учитель-
ской Семинаріи, Н. П. Остроумову.

Отдѣльные №№ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» продаются въ редакціи: новые по 15 к., старые по 10 к.; новымъ № считается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ слѣдующій.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦАЛЬНЫЙ.

По поводу книги А. Ф. Миддендорфа:

«Очерки Ферганской долины».

(Продолженіе) (*).

Теперь обратимся къ главѣ: „минеральное удобреніе“; читаемъ: „причинъ, почему лесъ необыкновенно долго сохраняетъ свое плодородіе и безъ удобренія (?) не одна, а нѣсколько. Остановимся на нихъ. Прежде всего замѣтимъ, что въ Средней Азіи лесъ достигаетъ чрезвычайной мощности, именно многихъ сотенъ и даже тысячъ футовъ“ (стр. 142).

Переносъ все сказанное на Фергану, я удержусь, пожалуй, отъ сомнѣній относительно тысячъ футовъ, но необходимо долженъ буду замѣтить автору, что пласты чистаго леса, достигающіе той мощности, о которой говорится, и не перемежающіеся хотя-бы наприимѣръ конгломератами, встрѣчаются главнымъ образомъ лишь въ сѣверо-восточной части долиннаго дна, а потому не представляютъ собою явленія, общаго для всей Ферганы.

„Почва и подпочва сливаются въ-едино“ (стр. 142). Это тоже невѣрно, ибо встрѣчается отнюдь не повсемѣстно. Говоря о лесѣ все, только что приведенное, авторъ обличаетъ себя въ совершенномъ незнакомствѣ наприимѣръ хотя-бы съ большей частью Чустскаго уѣзда.

„Сколько-бы вѣтеръ ни сдувалъ, сколько-бы вода ни смывала частицы съ поверхности воздѣланной земли, все таки остается тоже самое плодородное лесовое поле“ (стр. 142). Повторю автору еще разъ: онъ, вѣроятно, не знаетъ того, что при производствѣ искусственнаго орошенія хорошо воздѣланныхъ и продолжительно унавоживаемыхъ полей, наученный многолѣтнимъ опытомъ, сартъ употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы устранить размываніе и сносъ водой самаго верхняго слоя почвы, въ которомъ скопляется наибольшее количество органическихъ веществъ.

Далѣе, въ той-же главѣ, (стр. 144) авторъ упоминаетъ вскользь о рисѣ, „который, какъ извѣстно, служитъ тамъ главною пищею“; очевидно, авторъ совсѣмъ не успѣлъ познакомиться ни съ питаніемъ нашихъ сартовъ, ни съ той ролью, которую играютъ въ этомъ питаніи такіе хлѣба, какъ джугара, просо и кукуруза. Но разъ онъ не успѣлъ съ этимъ познакомиться, ему, г. Миддендорфу, слѣдовало-бы быть нѣсколько воздержнѣе и не говорить „какъ извѣстно“ о томъ, что очевидно осталось для него совершенно неизвѣстнымъ.

Упоминая о плодородіи лесоваго ила, отмываемаго арыками въ ихъ руслахъ и отла-

(*) См. Турк. Вѣдох. № 35.

гаемого ими на культурных полях, автор говорит: „лесовая русла, по которым текут арки, мы по праву можем считать неистощимыми тукохранилищами, из которых оросительная вода... забирают... оплодотворяющая вещества в течение тысячелетий (?), причем об истощении почвы не может быть и речи“.

Трудно понять, что дает право автору восхититься существованием таких тукохранилищ; он очевидно упускает из виду, что размытие арчинских лож всегда имело своим последствием неизбежный упадок данной арчинской системы.

Далее автор говорит о том, что у сартов очень распространено минеральное удобрение, т. е. удобрение пашни землей, взятой с дельтовых почв, илом арчинских лож, и т. п. Исходя из представления об общем характере свойств нашего леса, автор находит такое удобрение имющим свой *raison d'être*, но не останавливается на этом; он идет дальше и старается приписать и сартам, и минеральному удобрению то, что отнюдь не существует на самом деле. Так напр. автор говорит о минеральном удобрении в таком тоне, что в ум читателя невольно складывается представление о полной равнозначности между минеральным удобрением и навозом, чего на самом деле, конечно, нет и быть не может, ибо напр. сам же автор, упоминая о том, что проф. Шмидт смотрит на лес, как на „истинную, нормальную почву“, замечает: чуть-чуть-бы гумуса, скажу я, и тогда он (лес) был-бы еще урожайнее“.

Наконец автор отнюдь не упоминает о том, что если минеральное удобрение если и практикуется сартами, то, как это говорится, от гор, в тех только случаях, когда нужно, хотя бы незначительно поддержать истощенную почву а нужного для этой цели навоза нет.

Вот причины, почему в высшей степени странными представляются нижеследующие места „Очерков“:

„Сотня арб (земли) на танап (400 кв саж.)—и поле обильно (!) удобрено“, воскликнул мне сдвондаский старец, за работу которого я наблюдал“.

Или: смотря по присоединению леса в каждой долине (?) должны быть различны, как составные его части, так и состав солей. Обращают-ли также туземцы внимание на это различие составных частей (?); вывозят-ли они разные виды мергеля (здесь автор называет лес мергелем) на различные места, смотря по тому, где тот или другой сорт его более уместен—этого узнать мне не удалось“ (?!) стр. 148. Еще-бы довелось г. Миддендорфу узнать что-либо подобное! От сарта, почти столь же темного, как наш русский мужик, автор ожидает обширных научных познаний в агрономии и химии!

Не думайте читатель, что я что-либо преувеличиваю. Нет; автор сам говорит: „если нет (т. е. если сарты не обращают внимания на различие химического состава того минерального удобрения, которое они берут из различных мест), то наука может и должна прийти им на помощь“ (стр. 148). Как хотите, читатель, а это ведь уж слишком... Сначала отыскивать между сартами ученых агрономов—химиков, а затем, в случае, если такие не найдутся, то останавливаться на *возможности и необходимости* непосредственного введения в частное, горное хозяйство темного сарта тех основ земледельческой науки, вести которая толком и повсеместно не могут до сих пор и в России.

Или вот еще местечко: „на нашем Кавказе есть местности, где навоз употребляется как топливо—явное доказательство (!) того, как высоко ценят действие минерального удобрения жители востока“ (!!!) У нас напр. в Наманганском уезде есть целый ряд кишлаков (ближайших к горам), где тоже большая часть навоза употребляется, как топливо; не смотря на то, что там совсем почти минерального удобрения не практикуют, навозом удобряют одни лишь люцерновые поля, а в отношении остальных ограничиваются паром, я, если-бы хотел следовать примеру и приемам академика Миддендорфа, вероятно, имел-бы право сказать, что в Намангане, Бухаре, Мамае и др. сказанное явление есть тоже „явное доказательство“ того, как высоко ценят действие минерального удобрения жители востока“.

Представив себе практику минерального удобрения в Фергане чрезвычайно популярной и распространенной между сартами более того, чем это есть на самом деле, автор на столько увлекается, что говорит об отбросках дубильного производства, как об одном из популярных, постоянных и общепотребительных видов минерального удобрения; впрочем, говорит он, тысячелетняя (!!) практика, дубильная (?) и другие (какие это, интересно-бы знать) технические производства в Фергане уже с незапамятных времен привели к на-

лежащему употреблению и смешению выстиранных солей почвы совершенно определенных (а не иных) местностей“ (стр. 148—149). Удивительно, до каких тонкостей дошли, по свидетельству академика Миддендорфа, наши сарты в деле познания агрономии и химии!

Теперь перейдем, читатель, к главе о навозном удобрении; по предварительному вспомним в общих чертах все то, что раньше сказано автором об лесу:

Вспомним, что г. Миддендорф называет лес сначала *растительным*, а затем и *счастливой соперником* чернозема, который, по словам самого же автора, *чрезвычайно плодороден*, во-первых, а во-вторых—*равнозначущий со степью* *нашему*; что по словам автора же, лес „необыкновенно долго сохраняет свое плодородие и без удобрения“, что почва, без истощения ее, эксплуатируется здесь „в течение четырех тысячелетий на одном и том же месте“; что „сколько-бы истерли ни сдвигали, сколько-бы вода ни смыкала частицы с поверхности возматной земли, все так остается тоже самое плодородное лесовое поле“.

Не следует-ли отсюда, читатель, что автор „Очерков“ считает лес почвою, „обыкновенно плодородною“, совершенно в тех условиях его удобрения? Я думаю, что да; все это непременно следует из приведенных выше слов автора. Теперь откройте, читатель, стр. 155 и удивитесь, прочитав нижеследующее:

„Что сам по себе лес, обыкновенно не содержащий перегноя, нуждается в сильном удобрении хлвным навозом, это давно и давно известно обитателям востока“.

А далее: „действие сильного орошения (?) лесового мергеля явно проявляется в том, что: 1) вообще нужно удобрять очень сильно, часто-же, но слабого уважения не достаточно; 2) никогда нельзя удобрить через-чур сильно; и 3) даже сильный навоз не вредит“ (стр. 156).

Такая противоречия, вообще не приняты даже и в малой литературе, совершенно невозможны в сфере научных исследований.

Далее автор свидетельствует о том, что, по его исследованиям, „препочтительно“ употребляется конский повоз; „но лучше было-бы, говорит автор, смешивать конский повоз по-полам с коровьим“ (стр. 157). Автор совершенно неправ; во-первых, если сарты и отдадут предпочтение какому-либо из сортов навоза, то никак не конскому, а во-вторых, навоз в общем так незначителен, что предпочтительное употребление конского является делом совершенно невозможным, почему в кучах навоз оказывается всегда почти смешанным. Ниже, впрочем, о том же говорит и сам автор: „сарты очень заботятся об увеличении своей навозной кучи, сметая в нее *оски*, пригодный к тому материал“ (стр. 159). Таким образом смешать можно было-бы обойтись без совета, сдланного сартам по поводу того, что „лучше было-бы смешивать, и т. д.“.

Что же касается до того, что у осдлага, земледельческого населения навоза действительно мало, то этого не отрицает и г. Миддендорф, говоря: „но откуда взять навоза—в стране, изобилующей садами и мелкими хозяйствами, без *оски* *лучше* (а *прекраснее-то* *лучше* с травой *бале*)? и лишь с *жалкими* *настищами*“ (стр. 157).

Автору следовало-бы уж этим последним замечанием (о *лугах* и *настищах*), ограничиться, но он не ограничился, пошел дальше и опять напутал: „действительно, говорит он, число голов содержащего скота было, очевидно, слишком незначительно, а необходимо необходимая для обитателя востока лошадь преобладала (?) в его живом инвентаре“ (стр. 157). Автору, очевидно, неизвестно, что у осдлага населения Ферганы, о котором здесь идет речь, безусловно преобладающим родом скота является рогатый скот, а никак не лошади. Искренно опасаясь, не получилась-ли эта ошибка единственно вследствие желания автора поддержать свое положение о минимуме, предпочтительном употреблении сартами конского навоза.

На стр. 158 я автор говорит о *кочевниках* Ферганской области, как о „*отражающих предпочтительно овец*“. Автор ошибается; местное овцеводство в Фергане развито, сравнительно, очень слабо; овца у большинства замещена козю; доказательством этого может служить то обстоятельство, что Фергана не может удовлетворять своим, местным потребностям своими же местными баранами, а потому берет их ежегодно, в числе многих десятков тысяч, из Семиречья и даже из западной Сибири.

В главе „Орошение“ на стр. 161-й, читаем: „количество воды в этих (горных) речках (Ферганской долины) неистощимо (?). Они не только дают в холодную половину года более, чем необходимо, не только вызывают поводы в речных артериях

также и среди зимы — правда в исключительных случаях, т. е. когда надь высокими дуют южные теплые вѣтры; вода течет изъ всѣхъ устьевъ не только во время таяния, уже съ февраля, подъ вліяніемъ весенняго солнца.....

Если под неистощимостью наших горных рѣчек авторъ разумѣетъ способность ихъ не изсякнуть окончательно въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени, то авторъ, конечно, правъ; но судя по смыслу слѣдующихъ затѣмъ строкъ, надо думать, что въ виду имѣется нѣчто иное, а именно, что неистощимости названныхъ рѣчекъ выражается будто-бы въ постоянномъ изобиліи ихъ водою, причемъ изобиліе это „въ серединѣ и концѣ лѣта“ доходить яко-бы до своего апогея, благодаря тому, что „молочно-мутныя (?) рѣки.... вдуваются еще сильнѣе, чѣмъ въ началѣ года, и могутъ быть употреблены на пользу любой растительности“.

Если автор понимает под неистощимостью последнее, то он безусловно прав. Во-первых, в силу климатических и иных условий Ферганы, наиболее высокий уровень речных вод наблюдается всегда или во второй половине мая, или в первой половине июня (смотря по температур везний и по количеству снега в горах) и никак не „в середине и конце лета“. Во вторых, разности между уровнями высоких и низких вод многих горных речек (как напр. Падша-ата, Наманганского узда, бывають очень велики, причём такого рода годовая разницы в количествах воды данной речки замечаются всегда почти послѣ особенно сильных и наиболѣе малосильных зимъ. Въ третьих, во многих мѣстностях недостатокъ въ ирригаціонной водѣ чувствуется не только при обычномъ, періодическомъ пониженіи уровня водъ горныхъ рѣчекъ, но даже и постоянно, въ теченіи всей той части вегетативнаго періода, когда имѣется наибольшая потребность въ искусственномъ орошеніи культурныхъ растений, т. е. съ конца весны и до осени, причёмъ есть мѣстности, гдѣ производство большихъ посѣвовъ озимой пшеницы затрудняется тоже, благодаря недостатку въ водѣ, количество которой въ горныхъ рѣчкахъ доходить въ это время до своего minimum'a.

Такимъ образомъ авторъ врядь-ли имѣлъ
причины говорить, что „количество воды въ
этихъ рѣкахъ неистощимо“.

Еще менше правъ авторъ, полагая, что „половодье въ рѣчныхъ артеріяхъ (?)... среди зимы“ вызывается тѣмъ будто-бы, что надъ высотами (?) дуютъ южные теплые вѣтры“... Прежде всего замѣтить, что подъ именемъ „половодья въ рѣчныхъ артеріяхъ... среди зимы“ авторъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ зимнія скопленія и разливы воды такихъ арковъ, какъ Сары-су, Улугнаръ, Шариханъ-сай, Найманъ-сай и пр., въ малонаселенной половѣ Ферганы, лежащей между кривою линіей: Валички, Шариханъ, Язъ-яванъ, Зылха, Алты-арыкъ, Булайды, Султанъ-беги, Урганчи, Даучаръ, Калымышъ, Диканъ-тода, Патаръ, Махрамъ и соотвѣтствующей частью лѣваго берега Дарыя.

Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что, и туземцамъ, и всѣмъ, давно живущимъ въ Ферганѣ русскимъ, достоверно извѣстно полное почти отсутствіе зависимости между состояніемъ зимней погоды и высотой зимняго уровня воды горныхъ рѣчекъ, на что вѣдется много тѣхъ естественныхъ причинъ, которыя авторомъ совершенно упущены изъ виду. Наконецъ, въ третьихъ, я позволю себѣ сообщить нижеслѣдующее: изслѣдованія, производившія мною по данному вопросу въ прошломъ, 1882 году, показали, что причины зимнихъ разлитій арычныхъ водъ являются не „жюжные теплые вѣтры“ (авторъ упускаетъ изъ виду, что въ Ферганѣ южные вѣтры не могутъ быть особенно теплыми, ибо на югѣ долины лежатъ очень высокія горы съ вѣчными снѣгами), а 1) простое скопленіе въ главнѣйшихъ арычныхъ артеріяхъ воды, не нужной во времени года для орошенія полей и насажденій, 2) несовершенство большинства арычныхъ ложъ и наконецъ, 3) намерзаніе. Результаты произведенныхъ по этому вопросу изслѣдованій представлены мною г-ну Военному губернатору Ферганской области.

На стр. 163 читаем: «могла-ли тамъ (на востокъ, въ странѣ ирригаціи) утвердиться иная религія, чѣмъ та, которая предписывается, какъ заповѣдь, ежедневныя, частныя омовенія? И развѣ та-же самая религія не преобразуется, не искажается въ вѣкоторыхъ своихъ частяхъ, дозволяя жителямъ сухихъ песчаныхъ степей, напр. киргизамъ, употреблять для обязательнаго омовенія расклеванный песокъ, вмѣстѣ съ осѣбающей и увлажняющей водою?»

Зачѣмъ авторъ говорить все это? Онъ не имѣетъ причинъ называть искаженіемъ ислама то, что мы встрѣчаемъ въ самомъ коранѣ, въ основѣ мусульманской религіи (см. коранъ, глава трапеца, ст. 8 и 9).

На страницѣ 177, по поводу Сыръ-дарьи, авторъ говорить, что она „ширина въ 1 версту“. Въ отношеніи той части этой рѣки, которая заключается въ предѣлахъ Ферганѣ, это совсѣмъ неутѣрно; здѣсь ширина Дарьи,

На страницъ 181-й, по поводу „мусульманскихъ гидравлическихъ сооружений“, читаемъ: „напрасно осведомлялся я о какихъ либо нивелировочныхъ предварительныхъ работахъ; предполагихъ существованіе ихъ и былъ тѣмъ болѣе въ правѣ, что русскіе, при занятіи Ферганы, нашли тамъ цѣлую кучу *мелешниковъ* (таджиківъ) и даже, воспользовались ихъ содѣйствіемъ, для баазира.“

Автору, по видимому, совершенно неизвестно нижеследующее:

1) Тѣ лица, которыхъ онъ называетъ *муженщиками* (да притомъ еще *тамакешами*), суть ничто иное, какъ муфти и мѣры и иные грамотѣи, могущіе, при помощи простой бичевки и, нерѣдко, очень обивчивыхъ, вычислений не снимать мѣстность на планъ, какъ это, повидимому, думаетъ г. Миддендорфъ, а всего только измѣрять величины небольшихъ площадей земли, причемъ результаты этихъ измѣреній и вычисленій бывали и бываютъ сколько нибудь правильными и точными, обыкновенно въ тѣхъ только случаяхъ, когда фигура измѣряемой площади близка къ квадрату или прямоугольнику. Происходитъ же послѣднее единственно отъ убожества тѣхъ познаній, коими обладаютъ вышеупомянутые *муженщики*.

2) Если бывшая организационная комиссия и находила возможным рассмотреть познания и искусство сих quasi-«межевиков», то это еще равно ничего не доказывает, особенно если принять во внимание ту путаницу, которую внесли эти грамоты в работы организационной комиссии (см. стр. 436).

3) Авторъ совершенно напрасно употребляетъ слово *танакешъ*. То, что авторъ называетъ на 181-й страницѣ *межевщиками*, по сартовски называется не *танакешъ*, а *таначи*. Подъ именемъ же *танакешъ* разумеютъ того рабочего, который влечетъ за собою вервие *межевщика* *таначи*.

На стр. 199-й авторъ говоритъ: „на недостатокъ воды всего менѣе жаловались въ слѣдующихъ уѣздахъ: Андижанскомъ, Ошскомъ, Чимѣнскомъ и Чустскомъ;“ а далѣе: „Маргеланскій уѣздъ нуждается въ помощи (въ увеличеніи ирригаціонныхъ силъ) болѣе другихъ.“

Вся эти слова автора представляются крайне странными, ибо наиболее бедным ирригационной водоем быть, и есть, не Марселанский, а Чустский уезд.

Также неправильно и мнение о том, будто бы повсеместно «окраинное кольцо Ферганы снабжено водой в достаточной мере». Это автору неправо и в этом случае, доказывается тем, недостатком в прилегающей воде, которая чувствуется в очень многих пунктах Ферганы, лежащих одинаково, как в центре долины, так равно и по ее окраинам.

Открываем страницу 219-ю: „в естественных условиях своих урожаев он (сарт) видит лишь, мостоденных асичинов, в которых можно считать. Как почва, обрабатываемая плугом, представляет неизменно все тот-же дест, так точно становится из года в год одними и теми-же свет и теплота, равно как и засуха.“

Авторъ рѣшается говорить все это пото-
му только, что, не зная или упуская, изъ
идеи такихъ вещей, какъ громадная разности
между количествами атмосферныхъ осадковъ
азіатскихъ лѣтъ, зависимость между количе-
ствомъ ирригаціонной воды и количествомъ
ее сѣва предшествующей зимы и пр. Ав-
торъ могъ-бы, конечно, сказать, что благо-
даря существованію здѣсь искусственнаго оро-
денія, туземное земледѣліе подвержено мень-
шимъ случайностямъ, въ сравненіи напр. хо-
и-бы съ Россіей; но говорить о здѣшнихъ
рожайкахъ, какъ о достояннѣхъ величинахъ,
начать впадать въ преувеличенія, совершенно
неудобныя для автора „Очерковъ“.

Далее читаем: «засуха может быть устранена по желанию земледельца. Добавлять воду на поле в таком количестве и тогда же, какоты и когда это необходимо, дело не себя, а самого хозяина».

Посудите сами, читатель, жажеть-ли это так там, где чуть не на каждом шагу приходится слышать заявления о недостатке ирригационной воды и где общия количества этой воды находятся в прямой зависимости от количества сибгров, предшествующей зимы.

Нисколько ниже (на той-же 219 стр.) автор воображает, что искусственно орошаемая пашня по сартовски называется „обн^а тугий“. Автору, очевидно, неизвестно, что под именем тугий сарты разумеют мышевую или кустарную заросль, а никак не обработанную и искусственно орошаемую пашню. Совершенно нельзя понять, чем понадобилось автору вставлять в текст книги слова, значение которых ему сомнительно неизвестно.

20-го сентября 1883 г. № 37. ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. 20-го сентября 1883 г. № 37

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ,
въ Конторѣ Редакціи «Туркестанскихъ Вѣдомостей».

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ—
¼ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины—½
к. с. за букву.

Цена за годовое изданіе 7 р. с., съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ
Ташкентѣ.

Е Ж Е Н Е Д Ъ Л Ь Н О Е И З Д А Н І Е .

Цена за Азіатскую газету, издаваемую на Сарт-
скомъ наѣчии еженедѣльно 3 р. с.; съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и доставкою на домъ въ Таш-
кентѣ.

Г. г. подписчиковъ на Азіатскую газету просятъ
обращаться съ своими требованіями и заявленіями
къ редакціи Азіатской газеты,
въ Ташкентѣ, къ Директору Туркестанской Учителъ-
ской Семинаріи, Н. П. Остроумову.

Отдѣльные №№ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» продаются въ редакціи: новые по 15 к., старые по 10 к.; новымъ № считается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ слѣдующій.

вресенский базаръ воскресенскаго торговаго толкачи; 5) предложить управу, по приведении въ порядок базарной площади и по устранении препятствий для открытия торговли въ новыхъ лавкахъ и внутри базара, временный базаръ на еспланадѣ закрыть, а воскресный торгъ и толкачу перенести на Воскресенский базаръ; 6) уполномочить управу нанять, на срокъ и за цѣну по ея усмотрѣнію, квартиру для помѣщенія городничаго и полицейскаго управленія; 7) планъ лавокъ на полицейскомъ участкѣ и навѣсовъ внутри базарной площади, а равно и кондиціи на арендованіе мѣстъ подъ постройку лавокъ — утвердить, но, въ виду принятаго, согласно мнѣнію г-г. Тюменцева и Полонцева, рѣшенія объ отдалѣ занимаемаго полицейскими зданіями участка подъ постройку временныхъ торговыхъ балагановъ, предложить управу торги на арендованіе мѣстъ на семъ участкѣ, подъ постройку постоянныхъ лавокъ, по утвержденному плану, произвести предъ окончаніемъ срока временнаго арендованія мѣстъ; 8) такъ какъ навѣсы внутри базарной площади выгоднѣе построить на городской счетъ, не отдавая назначенныхъ для нихъ мѣстъ въ аренду, то, въ виду сбереженія необходимыхъ для сего средствъ, всѣ имѣющіе поступать съ временныхъ арендаторовъ мѣстъ на полицейскомъ участкѣ и внутри базарной площади денежные сборы предназначить исключительно на постройку навѣсовъ, разрѣшивъ управу производить изъ этихъ сборовъ только расходъ на наемъ квартиры для городничаго и полицейскаго управленія; 9) для аукционной продажи вещей постройку на площади, на городской счетъ, особый навѣсъ, видъ котораго аукціонеры не производятъ; 10) за право аукционной продажи движимаго имущества взыскивать съ продающихъ по 1% съ вырученнаго отъ продажи имущества рубля; и 11) срокъ арендованія мѣстъ внутри базарной площади, для постройки временныхъ навѣсовъ, назначить двухлѣтній.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

По поводу книги А. Ф. Миддендорфа.

«Очерки Ферганской долины».

(Продолженіе) (*).

На стр. 227-й авторъ старается увѣрить читателя, что при помощи сартовскаго плуга «вспаху можно... производить на глубину до 1½ фута»; трудно догадаться, зачѣмъ понадобилось г-ну Миддендорфу утверждать то, чего быть не можетъ, что, по его же словамъ, онъ не видѣлъ и чему онъ лишь «охотно повѣрилъ».

Далѣе: «въ Нанавъ таджики уже усѣли»... Какимъ образомъ удалось автору найти въ Нанавъ таджиковъ—это тоже для меня совершенно непонятно, ибо нанавцы суть чистокровные узбеки, рода турокъ, переселившіеся сюда съ небольшимъ 100 лѣтъ тому назадъ, изъ окрестностей г. Туркестана.

На той-же стр. 228-й читаемъ: «во всего страннѣе видѣть запряженными лошади и верблюда въ одно ярмо». Видѣть это было бы действительно очень странно и я сильно сомнѣваюсь, видѣлъ-ли авторъ что-либо подобное въ Ферганѣ, гдѣ, между туземцами, запрягать верблюда во что либо отнюдь не принято.

«Съ недоумѣніемъ слушаешь, говоритъ г-нъ Миддендорфъ, запряженіе поселянъ, что иногда подъ джугару или табакъ пахутъ до 15 разъ; а между тѣмъ это такъ. Каждый хорошій земледѣлецъ пахаетъ 10 разъ и не только подъ джугару, но, гдѣ нужно, подъ озимъ, а также паровое поле. Даже подъ рисъ, послѣ осенняго измета и слѣдующаго затѣмъ издвоенія весной, плугъ пускаютъ до 8 разъ»; «менѣе 5 разъ вообще пахутъ рѣдко»... Разъ если авторъ говоритъ, что онъ слышалъ «запряженіе поселянъ» о 8, 10 и 15 разовъ повторительной пахоты, то онъ остается, конечно, вѣрнѣе тому, что онъ действительно это слышалъ; но тѣмъ не менѣе я долженъ замѣтить г. Миддендорфу, что если сарты и говорили ему что-либо подобное, то, очевидно, они хотѣли подшутить надъ чудачьимъ имъ, любознательнымъ путешественникомъ, который не давалъ себѣ труда брать добытаго имъ свѣдѣнія.

Автору, очевидно, осталось совершенно неизвѣстнымъ, что въ Ферганѣ наибольшее число разъ пахоты (подъ джугару и хлопчатникъ) никогда не превышаетъ 4 разъ, что подъ рисъ пахутъ обыкновенно два раза, а подъ озимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. Исканъ, Ишкаранъ и другіе кишлаки Наманганскаго уѣзда) и совсѣмъ не пахутъ, а лишь запахиваютъ высѣянные сѣмена.

И послѣ всего этого, на стр. 230-й, г. Миддендорфъ находитъ возможнымъ думать, что изъ его сочиненія можно узнать «потребности и производительныя силы Туркестана».

Не меньшее число ошибокъ и увлеченій встрѣчаемъ на 233-й страницѣ, тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о работахъ, производимыхъ

при воздѣлываніи хлопчатника. Такъ напр., по мнѣнію г. Миддендорфа, «1) возьмѣть, 2) глубокая вспашка и 3) двоевнѣе» производятся осенью. Это подъ хлопчатникъ; затѣмъ авторъ увѣряетъ читателя, что при обработкѣ земли подъ всякіе вообще посѣвы, сарты производятъ «глубокую и мелкую вспашку и т. п., все въ томъ-же родѣ».

Очень интересны разсужденія автора о пшеницѣ; на стр. 240-й читаемъ: «подъ пшеницу отводится удобренная земля (?), подвергнутая полной паровой обработкѣ»; отсюда я усмотрѣлъ, что и въ этомъ климатѣ существенно важно не давать ей заростать сорняки травами, пока она не придетъ въ силу». Еще-бы, и могли-ли быть въ этомъ отношеніи какія либо сомнѣнія! Но дѣло-то, собственно говоря, не въ этомъ, а въ томъ, что авторъ ошибается, говоря объ «удобренной землѣ» и «полной паровой обработкѣ». Ему, по всей вѣроятности, приходилось слышать сообщенія о томъ, что сарты предпочитаютъ по нѣкоторымъ причинамъ уваживать пашню подъ пшеницу, а не подъ джугару, хлопчатникъ и т. п.; но въ это отнюдь не значить еще, что «подъ пшеницу отводится удобренная земля». Это во-первыхъ, а во вторыхъ, автору вѣроятно, неизвестно, или онъ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что въ значительной части Ферганы, за недостаткомъ въ водѣ, землю приходится эксплуатировать переложнымъ сносомъ (въ сроки отъ 3 до 20 лѣтъ), причемъ, въ большинствѣ такихъ хозяйствъ, при посѣвѣ озимой пшеницы, перелогъ не только не перепашивается, но даже и не взматывается; сѣмя, брошенное на вспаханную землю, лишь запахивается и затѣмъ задымляется волокушей (мала); такимъ образомъ о «полной обработкѣ», какъ о явленіи, общемъ для всей Ферганы, въ отношеніи культуры пшеницы не можетъ быть и рѣчи.

Не менѣе интересны и дальнѣйшія сообщенія автора о сортахъ пшеницы: 1) кайрака—горная пшеница, со скалстой почвой 2) лалымъ воздѣлывается у подножья горъ 3) боира—яровая пшеница, бѣлая и красная 4) тарамонъ, озимая пшеница, бѣлая и красная. Въ Наманганскомъ уѣздѣ она носитъ названіе кустъ» (стр. 240).

Интересно-бы знать, откуда почерпнулъ авторъ столь удивительныя свѣдѣнія. Подъ именемъ кайрака (а не кайрака) и лалымъ или лалма (а не лалиме), сарты одинаково разумѣютъ всякую вообще пшеницу, высѣваемую подъ дождь, причемъ ни «скалстая почва», ни «подножія горъ» тутъ ровно не причѣмъ. Что-же касается до озимой пшеницы, то не въ одномъ только Наманганскомъ уѣздѣ, а повсюду въ Ферганѣ, она носитъ названіе кузи, ибо громадное большинство мѣстнаго населенія состоитъ изъ узбековъ.

Далѣе авторъ упоминаетъ о какой-то пшеницѣ «ушри, которую (будто-бы) Називаки въ Наманганскомъ уѣздѣ называетъ суликъ». Никогда я и о какой пшеницѣ ушри ни говорю, ни писать я не могу; ибо мнѣ давнымъ давно уже извѣстно, что подъ именемъ ушри разумѣется не какой-либо сортъ пшеницы, а особый разрядъ земель, облагаемыхъ налогомъ ушр (1/10 часть урожая).

Сравнивая разные сорта пшеницы, авторъ говоритъ между прочимъ: «№ 1 (кайрака) заслуживаетъ полнаго вниманія; во онъ, пожалуй совпадаетъ съ лалымъ и тогда своимъ существованіемъ онъ обязанъ лишь недоразумѣнію». О, да! Скажу даже больше: почти все, приведенное авторомъ по поводу сортовъ пшеницы, по истинѣ есть не болѣе, какъ продуктъ одного лишь недоразумѣнія. Ниже, впрочемъ, авторъ соглашается съ этимъ до нѣкоторой степени и самъ: «незнаніе дѣла выдаетъ себя въ этихъ отчетѣхъ, такъ что было-бы весьма полезно разъяснить этотъ предметъ». (стр. 240—241). Конечно; но тѣмъ болѣе странно, зачѣмъ-же надо было автору исписать цѣлую большую страницу сообщеній, не имѣющихъ равно никакого цѣнности, равно никакого значенія.

Отворачиваемъ страницу 243-ю: «кукуруза родомъ изъ Америки и какъ извѣстно, распространена на востокъ венеціанцами, не привнесла тамъ, вѣроятно, вслѣдствіе трудности размола въ муку. Собственно говоря, она считается тамъ (на востокѣ) только лакомствомъ; зерно ея поджариваютъ въ котлѣ и затѣмъ ѣдятъ теплыми». Авторъ былъ-бы безусловно правъ, если-бы сказалъ, что въ центральныхъ частяхъ Ферганы посѣвы кукурузы распространены сравнительно мало; но зачѣмъ-же смотрѣть на кукурузу только, какъ на лакомство. Авторъ не сдѣлалъ бы ошибки, если-бы упомянулъ о запарѣ—очень трудно варимыхъ желудкахъ лепешкахъ, приготовляемыхъ изъ кукурузной (или джугаровой) муки и сказалъ-бы, что этими лепешками питается мало состоятельное населеніе долины, у котораго не хватаетъ средствъ на то, чтобы постоянно имѣть въ своемъ распоряженіи пшеничный хлѣбъ (панъ).

Далѣе, на той-же 243-й страницѣ, авторъ говоритъ: «въ сѣвооборотѣ кукурузѣ обыкновенно отводится мѣсто между дынями и морковью». Это совершенно невѣрно. Болѣе

для жеибе постоянные посѣвы такихъ растений, какъ морковь и дыни производятся лишь въ центральныхъ частяхъ Ферганѣ и по преимуществу вблизи городовъ или большихъ селеній, т. е. тамъ, гдѣ сколько нибудь значительные посѣвы кукурузы или совсѣмъ не практикуются, или если и практикуются, то сравнительно очень рѣдко. Ближе къ горамъ, гдѣ разведеніе кукурузы, по климатическимъ условіямъ, распространено гораздо больше, чѣмъ въ центрѣ долины, тамъ на оборотъ, почти совсѣмъ не производятся посѣвы моркови и дыни. Не могу понять, откуда получились у автора тѣ свѣденія, которыя онъ сообщаетъ по поводу кѣста, занимаемаго кукурузой въ здѣшнихъ сѣвооборотѣхъ.

Далѣе авторъ какъ-бы соболѣзнуетъ о томъ, что кукуруза распространена въ Ферганѣ сравнительно очень мало. Подробно разлагая этотъ вопросъ было-бы долго, а потому я замѣчу только, что джугара для сартовъ много сподручѣе и важнѣе кукурузы; отъ кукурузы сартъ получаетъ одну только муку, а отъ джугары — муку, крупу и зерновой кормъ для лошади.

На стр. 244-й авторъ говоритъ: „культурой риса начинается воздѣлываніе болотистыхъ и камышевыхъ низинъ... Въ низкихъ котловинахъ, которыя невозможно осушить это—единственно возможный хлѣбъ“. Здѣсь авторъ тоже впадаетъ. „Воздѣлываніе болотистыхъ и камышевыхъ низинъ“ можетъ начинаться культурой риса лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а именно, когда въ распоряженіи имѣются значительныя количества проточной, артезианской; обыкновенно-же воздѣлываніе это начинается посѣвомъ дынь, джугары и т. п. Что-же касается до „низкихъ котловинъ, которыхъ невозможно осушить“, то на нихъ, вѣроятно, невозможно производить никакихъ вообще посѣвовъ, ибо во время посѣванія растений рисовое поле, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Ферганѣ, обязательно должно быть освобождено отъ воды (*).

Далѣе (стр. 244): „сѣмена (риса) размачиваютъ и проращиваютъ въ кучахъ, какъ въ Европѣ солодъ, а посѣвъ дѣлаютъ въ началѣ апрѣля“. Авторъ ошибается; сарты не размачиваютъ и не проращиваютъ рисовыхъ сѣмянъ въ кучахъ.

Еще далѣе: „рисъ сѣется тотчасъ послѣ пшеницы и такъ-же густо“. Это не совсѣмъ вѣрно; есть мѣстности, гдѣ рисъ сѣется послѣ дынь или джугары (напр. въ южной части Наманганскаго уѣзда).

На стр. 260-й: „джугара до того обезжириваетъ пашню, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хорошо освобождаетъ ее отъ сорныхъ травъ что послѣ нея обыкновенно сѣютъ ленъ“. Авторъ ошибается, говоря о сказанномъ, какъ о явленіи, общемъ для всей Ферганѣ. Наоборотъ распространенный посѣвъ лена является вблизи горъ, гдѣ джугара, за недостаткомъ тепла, совсѣмъ почти не разводится; здѣсь ленъ сѣютъ, обыкновенно, почти всегда послѣ пшеницы.

На 291-й стр. авторъ говоритъ: „лошади, главный предметъ влѣчаній восточныхъ жителей содержатся на дорогомъ люцерновомъ сѣнѣ“. Автору, вѣроятно, неизвестно, что „на дорогомъ люцерновомъ сѣнѣ“ содержатся лошади однихъ только богатыхъ и состоятельныхъ людей, тогда какъ у бѣдныхъ, составляющей большинство, съ осени и до весны лошади ѣсть солому, кормовую джугару (бачки) и другую дрянъ.

Далѣе: „волы содержатся на хоминѣхъ комъ; такъ что въ Ферганѣ нельзя встрѣтить у воловъ такихъ соломённыхъ брѣвъ, какъ въ сѣверныхъ странахъ Европы“. Весьма возможно, что авторъ не встрѣчалъ въ Ферганѣ соломённыхъ брѣвъ, но нежелалъ-же онъ не встрѣчалъ здѣсь кожу да кости? Долго было-бы говорить о томъ, какъ содержатся у большей части сартовъ рабочіе волы, а потому я ограничусь лишь ссылкой на мой „Очеркъ земледѣлія въ Наманганскомъ уѣздѣ“ (Турк. Вѣдом. въ 1880 году).

На стр. 296-й читаемъ нижезвѣдующее: „нерѣдко среди большихъ стадъ (барановъ) встрѣчаются животныя, обшитыя (?) въ шерстяныя и войлочные тряпки всякаго рода. Правда, то было въ концѣ января, въ самое суровое зимнее время. Не есть-ли это лишь плодъ заботливости бѣдныхъ киргизъ о своемъ единственномъ достояніи? Пастухъ говорить итакъ это, если только я вѣрно позналъ его. Или-же зашлапъ животныя нѣсколько поздно остриженные? Или, наконецъ, не желали-ли получить особенную ошину? Вѣдь и въ Европѣ также подобныя образцы балуютъ животныхъ, называемыхъ для выставокъ“.

На самомъ дѣлѣ все это объясняется гораздо проще. По разнымъ соображеніямъ

очень важно, чтобы овца агнилась непремѣнно весной, для чего спариваться она должна осенью; оттого каждый хозяинъ всѣми мѣрами старается предотвратить возможность случки въ непотребное для того время. Въ виду сказаннаго, въ теченіи зимы, весны и лѣта козляры (неколотенные самцы) или отдѣляются отъ овецъ, или-же имъ надѣваютъ на животы повязки, такъ, чтобы наружное отверстіе полового органа было закрыто. Самецъ можетъ мочиться, но не можетъ имѣть общенія съ самою.

На стр. 334-й, между прочимъ, читаемъ: „безпечные, но съ разбойническими инстинктами узбеки, киргизскаго происхожденія (!) надѣли ярмо неволи на трудолюбивыхъ иранцевъ (таджиковъ и сартовъ) и до самаго послѣдняго времени вимали съ нихъ дань“...

Зачѣмъ авторъ говоритъ, что будто-бы узбеки киргизскаго происхожденія? Вѣдь это все равно, что сказать, будто славяне—польскаго происхожденія, или что нибудь въ этомъ родѣ. Развѣ автору неизвѣстно, что подъ именемъ киргизъ разумѣется одинъ изъ узбекскихъ родовъ? Отчего сарты онъ называетъ иранцами? И это тоже совсѣмъ невѣрно.

На 337 страницѣ авторъ говоритъ: „обращаясь къ описанію хотя моего путешествія, чтобы дать возможность правильнаго сужденія о той *небольшой* долѣ киргизскаго населенія, которое предалось земледѣлію“. Если авторъ думаетъ, что въ Ферганѣ земля дѣлалась лишь небольшая доля киргизскаго населенія, то онъ дѣлаетъ большую и несомнѣнную грубую ошибку. Авторъ не думалъ-бы такъ, если-бы принялъ во вниманіе нежесткую ошибку:

1) Въ предѣлахъ горъ, или, вѣрнѣе, въ предгорьяхъ, по теченію всѣхъ почти рѣчекъ, мы встрѣчаемъ запашки, принадлежащія киргизамъ и обрабатываемыя ими-же.

2) Имѣется масса кишлаковъ (такъ напр. въ Наманганскомъ уѣздѣ: Ходикентъ, Узакъ, Ялнзгачъ, Татаръ и др.), населеніе коихъ состоитъ изъ *узбековъ киргизскаго происхожденія*, осѣвшихъ здѣсь и обратившихся къ земледѣлію лишь очень недавно, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

3) Большая часть населенія большей-же части существующихъ городовъ и селеній Ферганѣ состоитъ не изъ таджиковъ, какъ повидѣному, думаетъ г. Миддендорфъ, а изъ сартовъ—узбековъ, которые суть не иранцы, какъ полагаетъ г. Миддендорфъ, а тоже „узбеки киргизскаго“ т. е. живгскаго, найманскаго, богинскаго, каракалпакскаго и другихъ „происхожденія“, осѣвшіе, частью смѣшавшіеся съ аборигенами-таджиками и принявшіе земледѣлческую культуру, но уже не недавно, а сравнительно довольно таки давно. Такимъ образомъ надо думать, что и въ данномъ случаѣ авторъ неправъ.

На 354-й страницѣ, говоря объ „Рисахъ для земледѣльцевъ“, авторъ поучаетъ читателя въ такомъ духѣ: „ресады было названіемъ болѣе правильнымъ (или въ диалектическомъ отношеніи инымъ?)“. Авторъ не знаетъ туземнаго языка; *рисады*, насколько мнѣ известно, слово арабское, (въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: посланіе трактатъ, разсужденіе), въ единственномъ числѣ произносится какъ—*рисада*. Что-же касается до *ресадъ*, то это множественно число отъ *рисады*. Врядъ-ли г. Миддендорфъ имѣлъ причины говорить, будто-бы „ресадъ было названіемъ болѣе правильнымъ“.

Быть можетъ никогда въ жизни я не смѣлся такъ отъ души, какъ въ тотъ моментъ, когда на стр. 364-й прочелъ: „съ удаленіемъ смотрѣлъ я на то, какъ воденіяны (казавшіеся тупыми), бѣднѣйшіе возникли или водопосъ, даже вицѣй, отыскивали цѣточекъ, чтобы положить его подъ свою шапку, на ухо, а если онъ не держался, то *осунуть въ ноздрю*“.

Очень можетъ быть, что авторъ и видѣлъ гдѣ-либо проказника, въ шутку проделавшаго такую штуку (сарты народъ веселый); но нельзя-же писать объ этомъ, какъ о явленіи общемъ, заслуживающемъ научнаго вниманія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Телеграммы Сѣвернаго Агентства, полученныя въ Ташкентѣ, сообщаютъ слѣдующее:

По рѣшенію общаго собранія Академіи Наукъ, на похоронахъ Тургенева, какъ корреспондента Академіи, будутъ присутствовать депутаты отъ трехъ отдѣленій Академіи.

4 сентября въ Новомосковскъ разграблены еврейскіе дома и лавки; изъ Еваторнослава отправлены въ Новомосковскъ козакъ.

Въ Загребѣ спойовно; на границѣ Баната броженіе также уменьшается.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ возвратился изъ отпуска, вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей.

Гласный Начальникъ военнаго учебнаго заведенія, Махонинъ находитъ необходимымъ приступить вскорѣ къ сооруженію новыхъ зданій и капитальной перестройкѣ существующихъ.

(*) Волы съ рисовыхъ полей спускаютъ 3 раза: 1) черезъ 7 дней послѣ восхода; 2) черезъ 14 дней и 3) черезъ 21 день. Затѣмъ, послѣ цѣтвенія, оставляютъ рисовое поле затопленнымъ, пока не нагнется зерно. Такое называемый, сухой аичайскій рисъ (или иначе—сухолюбивый рисъ) орошается въ 7 дней одинъ разъ, а послѣ цѣтвенія остается въ водѣ 7 дней. Изъ этого видно, что затопленія, которыя невозможно осушить, совершенно неудобны для обработки подъ рисъ.

27-го сентября 1883 г. № 38. ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. 27-го сентября 1883 г. № 38

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ,
въ Конторѣ Редакціи «Туркестанскихъ Вѣдомостей».

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ—
¼ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины—½
к. с. за букву.

Цена за годовое изданіе 7 р. с., съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ
Ташкентѣ.

Е Ж Е Н Е Д Ъ Л Ь Н О Е И З Д А Н І Е .

Цена за Азіатскую газету, издаваемую на Сарт-
скомъ нарѣчій еженедѣльно 3 р. с.; съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и доставкою на домъ въ Таш-
кентѣ.

Г. г. подписчиковъ на Азіатскую газету просимъ
обращаться съ своими требованіями и заявленіями
въ редакцію Азіатской газеты,
въ Ташкентѣ, къ Директору Туркестанской Учитель-
ской Семинаріи, Н. П. Остроумову.

Отдѣльные №№ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» продаются въ редакціи: новые по 15 к., старые по 10 к.; новымъ № считается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ слѣдующій.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

По поводу книги А. Ф. Милледорфа.

«Очерки Ферганской долины».

(Продолженіе) (*).

На стр. 367-й: «изъ леса, въ сѣбѣ съ солономъ, возмозитъ много-сломенная постройка (пакса). Главнѣйшіе кирпичи а не вѣстрячатъ; но иногда послѣдніе предпочитаютъ скармѣть стѣны изъ главнѣйшихъ шаровъ, величійю съ голубой»...

Пакса сооружается по много-сломенной, а глинобитной, ибо въ тѣсто, пригодное для кладки паксы, сажаки (по крайней мѣрѣ въ Ферганѣ) никогда почти не прибиваются. Что касается до глиняныхъ, сырцовыхъ кирпичей, то хотя авторъ и не вѣстрячатъ ихъ, но они употребляются очень часто, въ особенности при устройствѣ каменныхъ, нѣтъ и пр. Глина предпочтительнѣе въ многіхъ случаяхъ не послѣдними только (даже если ука на то пошло, то именно не послѣдними, а городскими жителями) и имѣть не шарообразную, а скорѣе неправильную, эллиптическую форму.

На 386-й стр., говоря о народахъ, которые въ разное время занимали Фергану или были сюда заброшены, авторъ перечисляетъ между прочимъ народы: тюрко-конгольскихъ: 14) орды Чингис-хана. 15) Киргизы. 16) Кипчаки. 17) Булгары. 18) Узбеки. 19) Ногаи».

Авторъ опять таки забываетъ, что киргизы, кипчаки, ногаи и другіе, суть узбекскіе роды, по поводу которыхъ не разъ уже писалось русскими по-первыхъ, а по-вторыхъ, ибегается много указаній въ мѣстной мусульманской литературѣ.

На стр. 395-й читаемъ: «прежде всего намъ нужно упомянуть о двоякомъ (?) значеніи наименованій: таджикъ и сартъ. Оба они и въ этомъ сочиненіи часто употребляются, какъ равнозначущія; земледѣльцы преимущественно называютъ таджиками (!), а городские жители, тѣмъ-же занимающиеся другіе промыслами... носить названіе сартовъ... вѣрнѣе самъ таджикъ, говоря съ европейцемъ, заветъ себя сартомъ. Какъ и всегда, въ городѣ элементы населенія сближаются легче, а потому подъ сартомъ болѣею частью понимается сѣмѣйный типъ съ конгольскою кровью. Это вѣрно».

Вѣрно то одно вѣрно, но только не сартовъ. Во-первыхъ, откуда знаетъ авторъ, что будто-бы «земледѣльцы преимущественно называютъ таджиками»? Таджиками называютъ иранцевъ таджиковъ, а не земледѣльцевъ. Выше я сказалъ уже, что масса современнаго земледѣльческаго населенія Ферганы состоитъ не изъ таджиковъ, какъ это думаетъ авторъ, а изъ того, что онъ-же, авторъ, называетъ «узбеками киргизско-происхожденія». Если-бы авторъ обратился къ этимъ земледѣльцамъ съ вопросомъ о томъ, въ какой народности они себя причисляютъ, земледѣльцы эти, не выходя на роль своего занятія, навѣрно отвѣтили-бы, что они узбеки, а не таджики.

Что-же касается до городскихъ жителей, то они, въ свою очередь, отнюдь не отрицаются отъ названія таджиковъ въ томъ случаѣ, если они действительно таджики, а не узбеки. Доказательство этого авторъ могъ-бы встрѣтить напр. въ Чустѣ, населенной почти исключительно таджиками. Такихъ образцовъ слова автора: «это вѣрно» относится до нѣкоторой степени лишь къ тому хвсту, гдѣ онъ говоритъ: «подъ сартомъ болѣею частью понимается сѣмѣйный типъ съ конгольскою кровью».

Внизу той-же, 395-й страницѣ, въ концѣ 2-го прилѣжанія, читаемъ: еще менѣе могу я согласиться съ мнѣніемъ Гельвальда... Вся таджика суть сарты, но не всѣ сарты суть таджики. Осѣдлые узбеки, какъ и татарскія кровей, такіе-же сарты, какъ и иранскіе таджики».

Автору лучше было-бы согласиться съ мнѣніемъ Гельвальда, ибо въ общемъ, подъ именемъ сарты туземцы разнѣются всѣхъ вообщее исконныхъ и давно осѣвшихъ земледѣльцевъ и промышленниковъ, населяющихъ города и селенія, причѣмъ эти общіе ихъ-же саміе-же туземцы зачастую называютъ таджиками изъ своихъ осѣдлыхъ соборовъ, видъ изображенія о томъ, таджикско-ли онъ или узбекско-ли происхожденія.

На стр. 400-й читаемъ: «но въ болѣею удовольствіемъ туземцевъ, почти въ году переименованы такіе названіями «тамаки» т. е. народными и годовыми праздниками, на которые стекается множество народа, словно на наши ярмарки»...

Автору, очевидно, неизвестно, что у мусульманъ посты-руза бываетъ только разъ въ годъ, въ теченіи мѣсяца рамазана, причѣмъ онъ зачинается по тамишю, какъ утверждаетъ авторъ, а праздникомъ рамазанъ-майрама, который у нашихъ сартовъ носить также названіе «муръ-газизъ» (большой праздникъ) въ отличіе отъ малого праздника (курбанъ). Что-же касается до слова тамаши, то подъ нимъ разнѣются не праздники, а всакое вообще развлеченіе.

(*) См. Турк. Вѣдом. № 35, 36 и 37.

то подъ нимъ разнѣются не праздники, а всакое вообще развлеченіе.

Тамъ-же (стр. 400) читаемъ: «въ Маргеллахъ тамаши, приходящаяся на время цѣпенія абрикосовъ, бываетъ каждую среду въ теченіи 6—8 недѣль».

То, о чемъ авторъ упоминаетъ въ этомъ прилѣжаніи, называется не тамаши, а сѣмѣй или дервишчи и по общему своему характеру, соответствуетъ нашему 1 мая.

Такъ какъ представленіе автора о томъ, что такое таджикъ и что такое сартъ совершенно неясны и крайне сбивчивы, то по этому трудно сказать, кого именно прославляеть онъ на 402-й страницѣ, подъ именемъ таджика; по той-же причинѣ совершенно невозможно опредѣлить на сколько въ тапшотъ случаевъ авторъ правъ или неправъ. Во всякомъ-же случаѣ онъ ошибается, думая, что бывшій камгарскій ханъ Якуб-бекъ, по своему происхожденію, былъ таджикъ.

Интересно-бы знать, гдѣ авторъ нашелъ людей, которые «утверждаютъ, что слово узбекъ первоначально означало: осѣдлый, сѣдоватою было ругательствомъ въ глазахъ истаго кочевника» (стр. 409—410). Какое заблужденіе! Автору очевидно не знаетъ, какъ обыкновенно объясняется происхожденіе слова узбекъ.

На стр. 411-й читаемъ: «вѣстрячающаяся также въ Ферганѣ сѣмѣй таджикскаго типа съ узбекскимъ и киргизскимъ, наиболѣе распространѣнная за пределами Ферганской долины — это курама или курама, главнѣе мѣстопробываніе которыхъ находится между Ташкентомъ и Ходжентомъ». Авторъ, очевидно, не знаетъ, что курама не существуетъ, и что курама есть не сѣмѣй таджикскаго типа съ узбекскимъ и киргизскимъ, а просто на просто одинъ изъ узбекскихъ родовъ.

На той-же, 411-й стр., въ прилѣжаніи 4-хъ читаемъ: «Уфаля... лишь однажды упоминается о желтомъ колоритѣ кожи у узбекской женщины. Въ этомъ случаѣ сѣмѣй предположить примѣсъ китайской или, по крайней мѣрѣ, калмыцкой крови». А у армянъ напр. или грузинъ желтоватый оттѣнокъ кожи тоже сѣмѣй приходится примѣсъ китайской или, по крайней мѣрѣ, калмыцкой крови?

На 421-й страницѣ авторъ говоритъ: «въ самомъ хлѣбѣ оказывается что, хлѣзды, въ болѣею частѣ случаевъ, соответствуетъ 1/2 части урожая и очевидно первоначально представляли ни что иное, какъ действительную десятину и, какъ таковая, быть подтверждаетъ религиозныя предписанія. Столь же повсюду пошло въ обыкновеніе обязать цѣлое имѣніе платить, т. е. 1/2 сбора (тамаши), болѣе доходные сарты»... Автору, вѣроятно, неизвестно, что хлѣзды называется не десятиной, а податъ не ниже 1/2 урожая или, вѣрнѣе — валоваго дохода съ земли, что десятина немыслима уша и что тамаши есть ничто иное, какъ особый видъ хлѣзды, при практикѣ котораго въ отношеніи сартовъ, бахчей и пр. урожай не измѣряется, а въ замѣну этого опредѣленная площадь земли (тамаши) обязана болѣе или менѣе опредѣленнымъ, оладымъ сборомъ.

На стр. 422-й авторъ увѣряетъ читателей въ томъ, что «еще болѣе тяжело лежала (при ханахъ) на народѣ солиной налогъ».

Откуда авторъ это взялъ — совершенно неизвестно. При ханахъ солины кони, находясь около селенія Камышъ-бурганъ, Чустскаго уѣзда, разбавивались въ пользу казы ханскихъ людей; заведеніемъ этими работами лежало на особомъ серкѣрѣ.

Добавка соль на хлѣбъ же продавалась частнымъ лицамъ, преимущественно возникамъ, по 20 к. за чарыкъ (5 п. 10 ф.), причѣмъ возники, привезшие соль на базаръ, избавлялись обыкновенно данъ и отъ уплаты базарнаго сбора. О какихъ тапшотѣхъ «состязаніе налога» говоритъ авторъ, понять совершенно невозможно.

На 423-й страницѣ читаемъ: «всѣмъ сборомъ съ жатвы всегда предшествовало жакъ-ула, т. е. данъ имамъ хлѣбной меты. Затѣмъ уже собирався данъ на пользу государства». Авторъ говоритъ все это тапшотъ, что читатель легко можетъ оставить себѣ представленіе, если не о равенствѣ, то о малой разницѣ между «данъ имамъ» и «данъ государства».

Неужели автору осталось неизвестнымъ, что разнѣры жакъ-ула въ болѣею частѣ случаевъ не превышаютъ нѣсколькихъ пригоршней и что жакъ-ула въ сущности представляеть собой не столько «данъ имамъ», сколько очистительную жертву, приносимую Богу; жертва эта приносится съ цѣлю очищенія обожавшаго уже хлѣба отъ осѣдлывающихъ его экскрементовъ и мочи скота, молотившаго этотъ хлѣбъ.

Далѣе, на стр. 423—424 авторъ тѣмъ-же старается разнѣзать читателя, что такое сѣмѣй разнѣять подъ словомъ кошъ. Сначала авторъ говоритъ, что «слово кошъ обозначаетъ въ Средней Азіи единичу земледѣльческаго производства. Это поверхность земли, которая можетъ быть обработана пер-

вобытими плугами, запраженными паромъ воловъ, при пособіи вѣнзаваннаго котенка»... Далѣе изъ словъ автора слѣдуетъ, что кошъ есть плугъ, запраженный паромъ воловъ, а еще далѣе авторъ удостоверяетъ, что «въ случаѣ нужды прибѣгаютъ также сѣмѣйную запражку, напр. сѣмѣйную корову съ воловъ, безобразнаго верблюда, крохотнаго осленка съ воловъ или лошадей». (Гдѣ это именно и когда авторъ могъ увидѣть въ Ферганѣ столь удивительныя вещи?)

На хорошую запражку, плугамъ, говорятъ авторъ, полагають для обработки отъ 3 до 7 десятинъ. По другимъ-же сообщеніямъ, сѣмѣйныхъ автору, подъ кошомъ разнѣются 40—50 тапшотъ земли (7—8 десятинъ); сопоставляя все вышесказанное, авторъ говоритъ: «значитъ слово кошъ, какъ кажется, обозначаетъ то довольно мѣстопробываніе площадь, то, какъ мы уже видѣли выше, участокъ, т. е. часть земли тоже мѣстопробываніи величина».

Очень странное, и крайне неопредѣленное опредѣленіе сѣмѣй коша.

На той-же, 423 стр. вѣстрячаемъ вещи казасъ-бы совершенно вѣроятными, невозможными: «плодовая деревья гаторныхъ хлѣзовъ были (при ханахъ) сдаваемы въ аренду; за строевой и дровяной лѣсъ, поступающій на рынокъ, тоже взимались налоги, называемые: тарикане, никикане и таджикане». Зѣсь авторъ превосходитъ всѣми оціаніями; онъ очевидно пережѣмаетъ сѣмѣйныя ему сообщенія. Со строеваго и дровянаго лѣса, если и взимались сборы въ доходъ казны, то они назывались или жакъ-ула или тамаши-данъ. Подъ именемъ тарикана разнѣвается сборъ не съ лѣса, а съ насѣдственныхъ имуществъ; именнѣе никикана назывался сборъ съ брату-лѣйша, а тамаши-жакъ (но отнюдь не тамаши-жакъ) есть ничто иное, какъ обыкновенный базарный сборъ.

Продолжая въ томъ-же духѣ, на 425-й страницѣ авторъ говоритъ: «въ тоже время (при ханахъ) въ Ошкентѣ уѣздъ, кромѣ налоговъ хлѣзды, тапашъ и советъ взимались еще два слѣдующихъ: тарикъ и никиканъ».

Во-первыхъ, непонятно, почему авторъ говоритъ только объ Ошкентѣ уѣздѣ; какъ въ настоящее время, такъ и при ханахъ подати были одинаковы для всѣхъ вилатовъ ханства; во-вторыхъ, авторъ, очевидно, не догадывается, что упоминаемые имъ, осіеіе яно-бы, тарикъ и никиканъ суть не болѣе, какъ нѣсколько искаженное повтореніе тѣхъ-же тарикана и никикана, о которыхъ говорено уже выше.

Сообщая читателю о хлѣзѣ казастровыхъ работъ бывшей Ферганской организаціи коммисіи и главнымъ образомъ объ опредѣленіи разнѣровъ хлѣбнаго валоваго дохода съ земли, авторъ между прочимъ говоритъ: «но опредѣнить валовой доходъ не такъ легко, какъ можетъ казаться. По инструкціи, слѣдовало соображаться съ показаніями туземцевъ и хорошихъ хозяевъ. Но приходилось имѣть дѣло съ обитателями востока, воспитанными въ привычкѣ дасть и вырѣшныи подъ сильными давленіемъ тяжелыхъ налоговъ»... (стр. 430—431).

Разсужденія эти врядъ-ли вѣрны. Допустимъ, что русскій мужикъ не росъ подъ сильными давленіемъ тяжелыхъ налоговъ, допустимъ, что онъ не «воспитанъ въ привычкѣ дасть», но тѣмъ не менѣе, если того-же русскаго мужика (да даже и не мужика, а ребенка) вы спросите о разнѣрѣхъ его годоваго дохода, и если онъ будетъ знать, зачѣмъ вы дѣлаете ему подобный вопросъ — повѣритъ, онъ никогда не скажетъ вамъ правды. Посудите саміе — кто себѣ врагъ! Причѣмъ-же тутъ «обитатели востока»? Если авторъ хотѣлъ поговорить на данную тему, то слѣдовало-бы говорить не объ обитателяхъ востока, а о тѣхъ составителяхъ инструкцій для казастровъ чиновниковъ, которые нахлѣзались до тѣхъ-же свѣдѣній (и притомъ тобою) столь невозможнымъ путемъ.

На стр. 436-й, упоминала о томъ, что при веденіи казастровыхъ работъ, въ помощь русскимъ мѣшечникамъ (работавшимъ съ мѣззую) были приглашены туземцы, тамакикане и что это было-бы болѣе необходимо, авторъ сообщаетъ читателю о громадной разницѣ, получающейся въ результатѣ измѣренія одной и той-же земли русскими мѣшечниками и сартскими тапашепами. Подъ слѣднее обстоятельство приписывается автору главнымъ образомъ, «бѣстидный подкупности этихъ тапашепей и совершенной безнаказанности ихъ дѣйствій»... Авторъ, по видимому, упустилъ изъ виду, что если-бы данъ тамакиканъ и не отличался ни бѣстидной жадностью, ни совершенной безнаказанностью, то по всей вѣроятности, и тогда разницѣ въ результатѣ измѣреній необходимо былъ-бы, ибо русскіе мѣшечники работали точными, совершенными инструментами, а тамакикане измѣряли землю при посредствѣ простой веревки и самыхъ обыкновенныхъ вычисленій.

(Окончаніе будетъ).

4-го октября 1883 г. № 39.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

4-го октября 1883 г. № 39.

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ,
въ Конторѣ Редакціи «Туркестанскихъ Вѣдомостей».

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ—
¼ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины—½
к. с. за букву.

Цена за годовое изданіе 7 р. с., съ пересылкою
во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ
Ташкентѣ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Цена за Азіатскую газету, издаваемую на Сарт-
скомъ нарѣчій еженедѣльно 3 р. с.; съ пересылкою
во всѣ города имперіи и доставкою на домъ въ Таш-
кентѣ.

Г. г. подписчиковъ на Азіатскую газету проситъ
обращаться съ своими требованіями и заявленіями
въ редакцію Азіатской газеты,
въ Ташкентѣ, къ Директору Туркестанской Учитель-
ской Семинаріи, Н. П. Остроумову.

Отдѣльные №№ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» продаются въ редакціи: новые по 15 к., старые по 10 к.; новымъ № считается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ слѣдующій.

На стр. 464-й авторъ говоритъ, что въ Ферганѣ у саргоновъ... вопросъ о капиталѣ и кредитѣ приобретаетъ огромную важность. У полукочевниковъ и кочевниковъ этотъ вопросъ отступаетъ на второй планъ.

Автору, очевидно, совершенно неизвѣстенъ бытъ полукочевниковъ и кочевниковъ; иначе онъ никогда не рѣшился-бы сказать, что у нихъ вопросъ о кредитѣ отступаетъ на второй планъ.

На стр. 479-й авторъ пробуетъ преподавать нѣкоторый совѣтъ по вопросу о численности мѣстныхъ русскихъ войскъ; для этого онъ находитъ возможнымъ цитировать султана Бабуръ: „безъ большого обремененія страны можно держать отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ солдатъ“.

Авторъ совершенно упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что въ то время, когда писался Бабуръ-нама, значительной части существующихъ нынѣ Ферганскихъ оазисовъ не существовало, а потому и общая производительность этой страны была несомнѣнно меньше. Въ данномъ случаѣ (на стр. 479-й) авторъ лишь неудачно цитируетъ знаменитаго султана, а въ другомъ мѣстѣ онъ его даже искажаетъ. На стр. 24-й читаемъ: „все срединное, окруженное щербеными пустынями, пространство Ферганской долины, ограниченное съ сѣвера Сыръ-дарьей, а съ юга круговою линіею, которая своею обширною дугою отхватываетъ почти третью Ферганской долины, все это пространство занято солянчакскою пустынею, тою сѣвою, которую султанъ Бабуръ называетъ Ха-Дервишъ“.

Всего этого пространства султанъ отнюдь не называетъ Ха-Дервишъ. На 5-й стр. Бабуръ-нама читается: „между Ходженъ номъ и Канибидомъ лежитъ степь, известная подъ именемъ Ха-Дервишъ“ *خاند باده* *آراسيد* *ير دشتي فوشوب نور هادر ویشقه* *موسوم دور*.

Не довольствуясь почти пятьюстами страницъ текста авторъ счелъ возможнымъ снабдить книгу десятью *прибавленіями*, состоящими изъ самыхъ разнообразныхъ, нередко отрывочныхъ и по большей части совершенно невѣрныхъ, неточныхъ а потому и неимѣющихъ ровно никакой цѣны, свѣдѣній и сообщеній. Надо думать, что въ текстѣ книги подходящаго мѣста этимъ матеріаламъ не нашлось, выростить ихъ, какъ-бы это слѣдовало сдѣлать, автору не захотѣлось и вотъ—создались X прибавленій.

Въ прибавленіи IV, говоря объ арычныхъ системахъ, хотя бы напр. Наманганскаго уѣзда, авторъ

1) говоритъ о расходѣ воды главнѣйшихъ арыковъ, приводя данныя 76—78 годовъ, когда никакихъ измѣреній ирригаціонной воды никто еще и не думалъ производить и когда всѣ цифры, въ родѣ числа „мелничныя единицы“, записывались прямо со словъ сартовъ.

2) Говоря о количествѣ воды, несомой данными арыкомъ (и то въ мелничныхъ единицахъ) авторъ или ничего не упоминаетъ о количествѣ орошаемой земли, или выражается слишкомъ неопредѣленно. Напр. „область Ханъ-арыка состоитъ изъ шести главныхъ водопроводовъ, получающихъ воду изъ Нарина, силою на 83½ постава; они орошаютъ 23 деревни“... (большихъ или малыхъ)?

3) Авторъ самымъ невѣрнымъ образомъ перепиначиваетъ названія арыковъ и селеній. Такъ напр. въ уѣздѣ есть ключъ Султанъ-Вайсиль-Коранъ. У г. Миддендорфа изъ одного получается два дѣла: Султанъ-Вайсиль и Талъ-Кара-Али.

4) На стр. XXVI авторъ весьма удивляется тому, что въ официальныхъ свѣдѣніяхъ онъ не находилъ указаній на какую-то горную рѣчку „Арианъ“, которой и на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Не мало ошибокъ встрѣчаемъ и въ другихъ прибавленіяхъ, напр. въ той части прибавленія VI, гдѣ говорится о горныхъ лѣсахъ Наманганскаго уѣзда. Хотя свѣдѣнія эти получены и изъ официальныхъ источниковъ, но авторъ дѣлаетъ громадную ошибку, придавая имъ серьезное значеніе и помѣщая ихъ въ свои прибавленія. Авторъ или не знаетъ, или упускаетъ изъ виду тѣ обстоятельства и способы, при которыхъ (и при посредствѣ которыхъ) собирались эти свѣдѣнія.

На стр. XLVII читаемъ: „встрѣчается около полусотни древесныхъ породъ, но преобладаютъ: береза, ель, орѣховна, грушевыя,

яблоневыя и фисташковыя деревья и *виноградныя лозы*“. А далѣе: „по низшему теченію Кара-су, на площади Тегенекъ, *буино расцвѣтъ* виноградныхъ лозъ (занимая около 18 десятинъ) на пространствахъ 7—10 верстъ“.

Арча, та самая арча, которая вмѣстѣ съ иргаемъ, аса-мусой и нѣкоторыми другими кустарниками, завоевала собѣ всѣ южные склоны нашихъ (Наманганскихъ) горъ, куда то исчезаетъ; зато на сцену являются виноградныя лозы, которыя *буино растутъ*, занимающія около 18 десятинъ среди всей площади Наманганскихъ горъ.

Къ западу, по рѣкѣ Касанъ и ея притокамъ, на протяженіи около 180 верстъ встрѣчаются исключительно березы, которыя окаймляютъ воды узкими, шириною въ 10 саж. полосами, но, вѣроятно, занимаютъ не болѣе 3¼ кв. верстъ.

По ручьямъ: Кулома, Инъ-кай, Акъ-сай, Итабекъ и др., попадающимъ въ Наринъ, растутъ грушевыя деревья и яблони, занимающія около ¼ кв. верстъ. Здѣсь наиболѣе странный характеръ имѣютъ цифры, такъ какъ до сихъ ни одного измѣренія горныхъ лѣсовъ еще не производилось, а потому и цифрамъ этимъ, не имѣющимъ за собою никакого серьезнаго значенія, отнюдь не слѣдовало-бы быть помѣщенными на страницахъ научнаго сочиненія.

На той-же страницѣ читаемъ: „мѣстное населеніе пользуется лишь фисташковыми деревьями и березою (авторъ положительно фантазируетъ); превосходное качество ихъ угля, сирашиваемаго на салотопенные заводы (?) побуждаетъ киргизовъ къ углеобжиганію“.

Автору, очевидно, неизвѣстно очень многое: 1) отсутствіе салотопенныхъ заводовъ; 2) тѣ породы деревьевъ, изъ коихъ киргизы выжигаютъ уголь и 3) тѣ причины, которыя побуждаютъ киргизовъ къ углеобжиганію.

„Ели тоже пережигаются киргизами на уголь, хотя въ меньшемъ количествѣ. Киргизы не любятъ ихъ и уничтожаютъ цѣлыя рощи...“

Авторъ, очевидно, незнакомъ съ киргизскими вкусами и симпатіями, во первыхъ, а во вторыхъ, —несомнѣнно не знаетъ быта „*узбековъ киргизскаго происхожденія*“. Последнее заключаю изъ того, что нѣсколько ниже г. Миддендорфъ говоритъ: „сотни 20—30 лѣтнихъ елей (почему-же непременно въ этотъ возрастъ?) приносятся въ жертву лишь-бы получить подъ пастбище нѣсколько десятковъ кв. сажень“.

Сравнительно всего лучше сохраняются орѣховыя лѣса, что *объясняется* ихъ отдаленнымъ положеніемъ и недоступностью. Это совсѣмъ невѣрно. Орѣховыя деревья сохраняются совсѣмъ по другой причинѣ: они даютъ доходъ—орѣхи, а потому ихъ и избѣгаютъ рубить.

Въ томъ-же духѣ написана и большая часть остальныхъ прибавленій. Я не говорю, конечно, о послѣднемъ изъ нихъ, объ „ислѣдованіяхъ почвы и водъ“ профессора Шмидта. Это, безспорно, наиболѣе цѣнная часть книги г. Миддендорфа.

Здѣсь же не могу умолчать о слѣдующемъ: авторъ приводитъ иногда въ текстѣ сартовскія слова, но совершенно невѣрно; это онъ то дѣлаетъ даже съ разнаго рода названіями, не исключая названій деревьевъ, рѣчекъ, и пр. Такъ напр. читаемъ: *Кекъ* вмѣсто *Кукъ* (стр. 259) *Кунесъ* вмѣсто *Кунтай* (стр. 261) *Озерны* вмѣсто *Адджеръ* (стр. 264) *Талджанъ* вмѣсто *Тани-джанъ* (стр. 424) *Тайкамбай* вмѣсто *Кукумбай* (стр. XXVII) *Халамакъ* вмѣсто *Алахамакъ* (ibid) *Алдынкулъ* вмѣсто *Айдынкулъ* (ibid) и т. д. А на стр. 459-й г. Миддендорфъ находитъ почему-то нужнымъ и возможнымъ назвать обыкновенный сартовскій кальянъ не *чимомомъ*, какъ его называютъ сарты, а *нармилекомъ*.

Таковы невѣрности, встречаемыя въ книгѣ г. Миддендорфа; они впрочемъ въ достаточной степени понятны: авторъ не отрицаетъ того, что онъ пробылъ въ Ферганѣ всего 2½ мѣсца.

В. Никитинъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Телеграммы Сѣвернаго Агентства. получены въ Ташкентѣ, сообщаютъ слѣдующее:

19 сентября тѣло Тургенева доставлено въ вокзалъ Сѣверной дороги, въ Парижѣ, гдѣ устроена великолѣпная пренная часовня. Но гробъ возложено много букетовъ, вѣнковъ. Ренанъ, Эдмонъ-Абү произнесли рѣчи; гробъ отправленъ въ 9 час. вечера въ Петербургъ.

Испанскій король присутствовалъ 18 сентября, въ Елисейскомъ дворцѣ на банкетѣ; 19-го, утромъ уѣхалъ въ Испанію, гдѣ уже собираются совѣтъ министровъ, по поводу произведенной въ Парижѣ манифестаціи противъ Испанскаго короля. Газеты очень возбуждены, вначя французское правительство въ непринятіи надлежащихъ мѣръ для предотвращенія манифестаціи; полагаютъ, что Испанія потребуетъ отъ Франціи наказанія виновныхъ.